

Ван Дянь подумал, что человек, который ещё недавно беспокоился, не порежется ли он во сне об этот клинок, — просто круглый дурак.

Лезвие было тонким, как крыло цикады, невероятно гибким, холодным и почти невесомым. Его поверхность покрывали тончайшие желобки, а обе стороны были заточены. Ван Дянь, держа клинок, всерьёз прикинул, сможет ли он одним ударом покончить с Лян Е, прежде чем тот успеет дать сдачи, но в итоге молча отбросил эту нелепую затею.

Лян Е, прикрыв глаза, сонно наблюдал за тем, как Ван Дянь держит оружие. Лениво подняв руку, он обхватил ладонь Ван Дяня, пальцами поправил положение клинка в его руке и, резко взмахнув ею, метнул его. Раздался глухой звук — лезвие почти целиком ушло в деревянный столб, снаружи остался лишь самый кончик.

Ван Дянь почувствовал, какой невероятной силы был этот бросок — быстрый до абсурда, в мгновение ока. Он не удержался от любопытства:

— Это тоже твой учитель научил?

— Нет, сам додумался, — Лян Е самодовольно приподнял бровь.

Ван Дянь подошёл к столбу, чтобы рассмотреть, как вошло лезвие, и попытался его вытащить — не поддалось. Лян Е, заложив руки за спину, неспешно подошёл следом:

— Естественно, тебе, никчёмному слабаку, не знающему боевых искусств, его не вытянуть.

Сказав это, он ухватился за кончик лезвия и дёрнул изо всех сил. Клинок даже не шелохнулся.

Ван Дянь: «.....»

Лян Е, не желая признавать поражение, дёрнул ещё раз — снова безрезультатно.

— Может, ты приложил слишком много силы? — Ван Дянь нашёл вполне разумное и научное объяснение. — В этой точке сложно найти точку опоры.

Лян Е с кривой усмешкой посмотрел на него:

— Ещё раз вякнешь — собственноручно обрежу тебе язык.

Ван Дянь благоразумно замолчал. Он вернулся, чтобы свернуть и убрать текст молитвы предкам. Перед тем как войти в спальню, он оглянулся на Лян Е, который всё ещё стоял у столба, и осторожно предложил:

— Может, поспим? А завтра продолжим.

Лян Е остался доволен предложенным выходом и с важным видом принял его:

— Разумно. Пожалуй, на этот раз я тебя пощажу.

— Тогда прошу Ваше Величество идти отдыхать, — Ван Дянь облегчённо выдохнул, вошёл в спальню и начал опускать полог кровати.

Не успел он закончить, как Лян Е, ничуть не смущаясь, вошёл следом:

— А я куда должен идти?

— Разве для тебя не приготовили отдельные покои? — спросил Ван Дянь. — Если хочешь отдыхать здесь, я переберусь туда, а завтра с утра приду.

Лян Е сделал вид, что не расслышал. Он опустил голову и начал развязывать пояс, бесстыдно заявив:

— Я буду спать с тобой.

Ван Дянь настороженно уставился на него:

— Мы же договорились: ты занимаешься докладами, я составляю тебе компанию, и только тогда мы спим вместе.

Произнеся это, он почувствовал, как странно звучит его фраза, особенно с учётом того, что произошло днём. Неужели этот тип, Лян Е, вообще не знает, что такое неловкость?

— Что хочу, то и ворочу, — Лян Е напрочь забыл о всяких договорённостях. Он бросил верхнюю одежду, улёгся на кровать и похлопал по месту рядом с собой: — Иди сюда, дай себя обнять.

У Ван Дяня дёрнулся глаз. Он несколько секунд смотрел на него, разрываясь между желанием развернуться и уйти или сначала обругать его, а потом уйти. В итоге... он лёг рядом.

«Ты сошёл с ума, Ван Дянь», — единственная мысль, которая крутилась в голове, когда Лян Е придвинулся ближе.

Лян Е, сам не зная, как умудрился так вымотаться, обнял его, не устраивая никаких пакостей, и вскоре крепко уснул.

Ван Дянь смотрел на лицо, точь-в-точь как у него самого — словно в зеркало глядел. Он никак не мог понять, как его угораздило поцеловать его днём.

«Неужели я настолько самовлюблённый?» — подумал он с сомнением и не удержался, легонько ткнул Лян Е в кончик носа.

«Всё время трётся об меня, как щенок, честное слово».

Лян Е сморщил нос, но не проснулся.

— Лян Е? — шёпотом позвал он. Лян Е не шелохнулся, лишь невнятно что-то пробурчал.

— Тот клинок... ты правда не смог его вытащить или сделал это нарочно? — Ван Дянь почувствовал, что сам нарывается, но спать совсем не хотелось, а вид безмятежно спящего Лян Е его раздражал.

Лян Е не ответил, лишь сильнее прижался к нему. Ван Дянь попытался отстраниться, но наткнулся на что-то холодное, как лёд. Он тут же нахмурился:

— Лян Е? Лян Е?

Лян Е приоткрыл глаза и посмотрел на него:

— Ты чего пристал?

— Ты... — Ван Дянь вспомнил, как в прошлый раз, стоило упомянуть головные боли, Лян Е пришёл в ярость, едва не довёл его до смерти и даже выпил чашу «Белого нефрита». Он проглотил слова. Необъяснимым образом он начал понимать ход мыслей Лян Е и медленно произнёс: — У меня голова разболелась от чтения этих молитв.

Лян Е хмыкнул, закрыл глаза и уткнулся лбом ему в шею — поза, выражающая желание близости, но в то же время готовность к защите.

Ван Дянь понизил голос и осторожно спросил:

— Можешь помочь мне помассировать?

Лян Е нахмурился, глубже зарываясь лицом в его шею, и пробормотал:

— Нет.

— Ладно, — Ван Дянь положил руку ему на плечо. Почувствовав, как мышцы Лян Е мгновенно напряглись, он тут же убрал руку. — Тогда давай я помассирую тебе?

Лян Е промолчал, но в следующую секунду яд в теле Ван Дяня отозвался острой болью — словно холодный отказ и предупреждение.

Ван Дянь, преодолевая боль, положил руку на затылок Лян Е и начал осторожно разминать. Боль не усилилась. Немного погодя он запустил пальцы в волосы Лян Е и, прибавив нажима, продолжил массаж.

Боль от яда постепенно утихла, лишь изредка напоминая о себе — будто упрямо предупреждая, что подобные вольности хозяину пришлись не по душе.

Ван Дянь подумал, что он, должно быть, окончательно сошёл с ума: днём в приступе безумия поцеловал этого человека, ночью Лян Е пришёл угрожать ему расправой, а он сам, словно мазохист, терпит боль, массируя голову этому придурку.

Ван Дянь массировал ему голову до глубокой ночи. Когда его самого начало клонить в сон, Лян Е вдруг обнял его за талию. Ван Дянь машинально прижал его к себе и, не в силах больше

сопротивляться, закрыл глаза.

На следующее утро, проснувшись, он обнаружил, что остался в кровати один.

Лян Е всегда появлялся и исчезал как призрак, но внутри Ван Дяня всё равно возникло чувство, похожее на разочарование, которое он поспешил подавить.

— Чун Хэн, — позвал он. Ответа не последовало. Когда он уже решил, что того нет рядом, парень внезапно спустился с потолочной балки вниз головой, сжимая в руках меч, и холодно посмотрел на него:

— Чего?

Ван Дянь молча смотрел на него три секунды, и Чун Хэн, как ни странно, понял его без слов:

— Хозяин всю ночь не спал, ещё до рассвета ушёл на вершину горы — ветер ловить.

— О, — невозмутимо ответил Ван Дянь. — А я про Лян Е и не спрашивал.

Чун Хэн, покачиваясь на балке, прямо спросил:

— Зачем ты поцеловал хозяина? Ты что, влюбился в него?

— Я не люблю мужчин, — Ван Дянь сделал паузу. — Я поцеловал его, потому что он меня взбесил.

— Какой же ты легкомысленный, — с явным отвращением заметил Чун Хэн, а затем нахмурился и добавил: — Хозяин не принимал возбуждающего, он выпил противоядие, поэтому у него не было сил вытащить клинок. Иначе он бы точно отрезал тебе язык.

Ван Дянь почувствовал смешанные чувства:

— ...Вот как.

Чун Хэн, висая на балке, смотрел на него, явно желая что-то добавить. Ван Дянь поспешил ему помочь:

— Что ты хотел мне сказать?

— Сегодня старая ведьма принесёт «Белый нефрит», — сказал Чун Хэн. — Учитель хозяина сказал, что ему больше нельзя его пить, иначе повредится рассудок, но мои уговоры на него не действуют.

Ван Дянь понял, к чему он клонит:

— Ты хочешь, чтобы я отговорил его? Или чтобы я выпил его вместо него?

— Когда хозяин пьёт «Белый нефрит», голова перестаёт болеть, — Чун Хэн нахмурился. — Но когда он обнимает тебя, голова тоже почти не болит.

Они долго смотрели друг на друга, пока Ван Дянь наконец не вздохнул:

— Я понял. Но не обещаю, что смогу его переубедить.

— О, — Чун Хэн невозмутимо кивнул, скопировав тон Ван Дяня.

— Но я не могу согласиться просто так, — улынулся Ван Дянь. — Ты окажешь мне услугу в ответ.

Чун Хэн тут же насторожился:

— Какую?

— Небольшую, — Ван Дянь достал из рукава изящный амулет-замок с искусно выгравированным драконом. — Если будет время, сходи в Инсуфан, найди ребёнка, который носил этот замок, разузнай, где он живёт, и вернись скажи мне.

— И всё? — Чун Хэн, видимо, счёл это слишком простым.

— И всё, — Ван Дянь подбросил амулет ему.

— Хорошо.

Чун Хэн поймал его и вскочил на балку. Подул лёгкий ветерок, окно хлопнуло, и он исчез.

Даосский храм Тайцзи был построен на вершине горы Шицзай. Места там пустынные, и хотя рядом находилась императорская резиденция, императоры Северного Ляна не верили ни в Будду, ни в Дао, поэтому почти не общались с монахами. То, что табличку с именем Лян Хуа установили здесь, было лишь прихотью подхалимов, а на второй год после этого несчастный император отдал богу душу.

Настоятельницей храма была женщина-даос, возраст которой невозможно было определить. Она встретила императора без особого энтузиазма, с достоинством поклонилась и лично проводила Ван Дяня к табличке Лян Хуа, протянув ему три палочки благовоний.

— Ваше Величество, до ритуала поминовения остаётся два дня. Вам достаточно поклониться вместе с чиновниками и присутствовать на церемонии, — тихо прошептала Вэнь Юй.

Ван Дяню всё это было неинтересно. Он кивнул, возжёт благовония и повёл свиту наблюдать за обрядом.

Прошлой ночью он почти не спал, и под звуки барабанов и песнопений его начало клонить в сон. С трудом дождавшись полудня, он отправился в заднюю комнату на трапезу. Юнь Фу подошёл к нему и прошептал:

— Ваше Величество, как вы и приказали, я задержал Ян Маня у резиденции. Как вы и ожидали, у него с собой была чаша «Белого нефрита» и несколько коробок с пирожными. Он наотрез отказался передать их мне, настаивая на личной встрече.

— Я понял, — Ван Дянь взглянул на постные блюда, не чувствуя аппетита, отложил палочки и

направился во внутренний двор.

Юнь Фу и остальные попытались последовать за ним, но он отмахнулся:

— Пусть Чун Хэн идёт со мной.

Пройдя по горной тропинке минут пятнадцать, он увидел шестигранную беседку, одиноко стоявшую на краю обрыва. Вдалеке плыли облака, рядом зеленели сосны. Лян Е в широком чёрном халате лениво развалился там, глядя на небо. Если не приглядываться, выглядел он почти как небожитель.

Но вблизи было видно, что этот тип просто от скуки мается. Он лениво бросал камешки в карниз крыши, сбивая черепицу. Глядя на груды осколков и выбоины на столбах, хотелось его прибить.

Ван Дянь, не зная, в каком тот настроении, сел подальше. Только он поднял голову, как маленький камешек просвистел мимо его уха и с треском вонзился в столб, оставив паутину трещин. Красная краска осыпалась, осыпав рукав Ван Дяня.

Лян Е вызывающе усмехнулся, целясь следующим камнем Ван Дяню в переносицу.

Ван Дянь отряхнул рукав и невозмутимо встретился с ним взглядом.

Лян Е, видимо, стало скучно. Он небрежно метнул камень, попав Ван Дяню в тыльную сторону ладони. Кожа мгновенно покраснела.

— Ян Мань принёс «Белый нефрит», я велел Юнь Фу не пускать его, — Ван Дянь поднял камень, прицелился в кусок черепицы, который Лян Е уже успел повредить, и метнул камень — тот аккуратно отбил оставшийся край.

Лян Е бросил на него быстрый взгляд, внезапно встал, подошёл и, наклонившись, схватил его за руку.

— Что ты делаешь? — настороженно спросил Ван Дянь, пытаясь вырваться.

Лян Е осмотрел красное пятно на его руке и внезапно слизнул его. Ван Дянь брезгливо оттолкнул его голову:

— Ты что, грязный?

Лян Е достал из-за пазухи тот самый клинок и зловеще произнёс:

— Тогда я сейчас срежу тебе эту кожу, чтобы она была чистой.

— Я же говорю про камень! — Ван Дянь схватился за голову, увидев кровь на своей руке. — Я не брезгую тобой.

Лян Е прищурился, издал недовольный звук и потащил его к краю обрыва. Ван Дянь посмотрел вниз: облака плыли над бездонной пропастью. Страх высоты заставил его отступить, но чья-то ладонь упёрлась ему в спину.

Он обернулся и увидел, что Лян Е улыбается — возбуждённо и жутко. В следующую секунду он почувствовал толчок в спину. Не успев среагировать, он полетел в пустоту.

Ощущение невесомости и близость смерти переплелись. Время словно замедлилось. Пролетая сквозь влажные облака, он встретился взглядом с безразличными глазами Лян Е, и сердце его ушло в пятки.

Он и правда не должен был питать никаких иллюзий насчёт этого бездушного безумца. Перевоспитать сумасшедшего — это всё равно что изобрести машину времени!

Однако не успел он долететь до дна, как услышал свист рассекаемого воздуха. Его талию что-то крепко обхватило. Он потрясённо посмотрел на Лян Е, который держал его в объятиях. Такого спектра эмоций он не испытывал никогда в жизни, и всё, на что его хватило, это яростный крик:

— Ты больной?!

Даже умирая, он решил прихватить его с собой!

Лян Е с бесстрастным лицом посмотрел на него, ухватился за лиану на краю обрыва и резко качнулся в сторону, прямо к скале. Не успел Ван Дянь закричать, как рука Лян Е, державшая его за талию, ослабла. Ван Дянь в ужасе вцепился в него, крича изо всех сил:

— Лян Е!

Лян Е одной рукой выхватил мягкий меч, перерубил лиану, а другой, прижимая к себе Ван Дяня, использовал внутреннюю энергию. Они плавно приземлились в пещере за лианами.

Ноги Ван Дяня подкашивались, мысли путались. Он мёртвой хваткой вцепился в Лян Е, сердце колотилось в горле. И тут он услышал смех Лян Е.

Лян Е позволил ему себя обнимать, довольно тыча пальцем ему в щеку:

— Трусика.

Ван Дянь с бледным лицом поднял голову, дрожащей рукой оттолкнул его и охрипшим голосом произнёс:

— Ты... сумасшедший.

Лян Е ослепительно улыбнулся:

— Весело было?

— Весело тебе в задницу, — Ван Дянь, окончательно потеряв самообладание, развернулся и

пошёл прочь.

Чун Хэн, влетев в пещеру на лиане, как раз застал эту сцену:

— Хозяин, почему ты позволил ему уйти самому?

Лян Е стоял на месте, глядя на удаляющуюся спину Ван Дяня, и озадаченно коснулся своих губ:

— Он так разозлился... почему же он не поцеловал меня?

<http://bllate.org/book/21737/2247147>